

ЕВГЕНИЙ РОГACHEB

РОГНЕДА

Евгений Рогачев

Рогнеда. Книга 1

Издательский текст

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=4573076

Рогнеда. Книга 1. Борисов-град: Издательство «ЭРА»; М.; 2012

ISBN 978-5-905693-57-1

Аннотация

Хранить секреты лучше в прошлом. Облеченная в слова тайна выкладывает жизнь молодой героини Рогнеды мозаикой невероятных событий. Любовь и расставания, предательство и дружба, унижение и надежда...

Евгений Рогачев дарит миру первую книгу дилогии историко-приключенческого романа в лучших традициях Р. Л. Стивенсона, В. Скотта и Ф. Купера. Созданные автором реалистичные картины Русского государства XVI века настолько захватывают, что читатель полностью погружается в мир, где живут герои этого увлекательного романа. Огорчит читателя только одно – книга слишком быстро заканчивается.

Содержание

Благодарность	4
Глава 1	5
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Евгений Рогачев

Рогнеда. Книга

1. Борисов-град

Моей маме посвящаю эту книгу

Благодарность

Я выражаю свою благодарность всем тем, кто был рядом со мной, когда я трудился над этим романом.

Особую благодарность хочу выразить моей супруге Екатерине за ее любовь, терпение и понимание, а также дочери Елене – честному и неподкупному критику.

Также Автор выражает свою признательность Наталье Николаевне Киселевой за ее неоценимую помощь в корректировке готового материала книги.

Евгений Рогачев

Глава 1

Ханское проклятье

город Москва

1573 год от р.х

Вдоль стен стояли резные подсвечники. Пламя свечей дрожало, расплавленный воск прозрачными лавами скатывался на серебряные подставы. Было жарко и душно. Пахло ладаном и еще чем-то неуловимым, от чего слегка кружило голову.

Иван Васильевич молился истово, самозабвенно, как делал всегда, сколь себя помнил. Слова молитвы сами срывались с губ и падали в тишину кельи.

– Господи, отец мой! К тебе прибегаю и милости прошу. Яви милосердие, Господи! Дай мир моей душе, дай успокоения. Наполни мою чашу терпением, ниспошли благодать и просвети меня, Господи! Твое царство без начала и без конца, а держава неприкладна, и на тебя одного лишь уповаю...

От долгого стояния на коленях у Ивана Васильевича затекла спина. Закончив молитву, он с трудом поднялся, взял прислоненный к стене посох, последний раз взглянул на Спасителя, троекратно перекрестился. Как всегда после молитвы стало легко на душе и уже не так страшно, как прежде.

Иван Васильевич толкнул небольшую, украшенную простым орнаментом дверь и вышел из кельи.

Переступив порог, остановился, оглядел полупустую и вмиг притихшую палату, где любил принимать ближних бояр. Стены здесь были украшены растительным орнаментом, местами – позолоченной резьбой. Вдоль стен стояли лавки, покрытые бархатными и шелковыми полавочниками¹. От печей, облицованных многоцветными изразцами, шел легкий жар. Царь не любил холод, и потому печи иногда протапливали, чтоб прогнать из стен дворца застоявшуюся сырость.

При виде Ивана Васильевича все вскочили со своих мест, склонились в пояс. Повисла тишина. Опричники в черных рясах поверх золоченых кафтанов и в черных клобуках выжидательно смотрели на царя, чуть в стороне стояли притихшие бояре. Все ждали слова царя. Иван Васильевич медленно прошествовал к своему месту, сел, положил посох на колени, обвел взглядом притихших ближних бояр. По обеим сторонам трона тут же встали рынды² в белоснежных кафтанах, с золотыми цепями на груди крест-накрест, с серебряными топориками в руках и в рысых шапках.

Царь был задумчив. Смотрел на людей и не видел. Перед взором все еще стояли глаза Спасителя, которые прожигали

---

¹ Сукно для покрытия лавки. Сшивался из нескольких кусков ткани разного цвета: середина была одного цвета, а каймы, свисавшие с лавки, делали другого цвета. Иногда их украшали вышитыми узорами, травами, изображениями зверей и птиц.

² Царский стражник.

насквозь и выворачивали наизнанку, словно овчинный тулуп. Страшился он, что, погрязнув в грехе своем и забыв сущность свою, может превратиться в лютого зверя. Тогда быть ему обреченным на муки вечные. Это приводило душу царя в смятение, а страх липкой лапой сдавливал грудь.

Наконец Иван Васильевич пошевелился на троне, взглянул на ближнего советника Богдана Вельского, царского оружничего³, поманил пальцем. Тот подошел, встал перед троном, развернул пергаментный свиток.

– Говори. Что нонче у нас?

Вельский кашлянул в кулак, склонился к царю и начал докладывать о наиважнейших делах в государстве Русском. Вначале шли мелкие делишки, не требующие особого внимания царя. Он и отмахивался от них, как от надоевших своим жужжанием насекомых. Знал Вельский, как преподнести вести царю, чтобы не вызвать неудовольствия. Оттого и состоял столь много времени в чести у грозного владыки.

Когда с мелкими делами покончили, оружничий приступил к главному.

– Прости, великий государь, но крымский хан послов прислал. Просит он, окаянный, кроме Астрахани, что отдана была ему, так еще и Казань обратно. А также две тысячи рублей дани. Иначе грозит новым походом. Послы ведут себя предерзостно. Кричат оскорбления всяческие, а верные люди сказывали, что обещают в скором времени пировать в

---

³ Хранитель царского оружия. Придворный чин при Московских правителях.

Кремле. Кричат-де, хан их великий и непобедимый, и нет ему по силе и храбрости другого такого владыки.

Иван Васильевич почувствовал, как изнутри поднимается бешенство. Дикое, страшное, неуправляемое. Побелевшие пальцы обхватили посох и сжали так, что на ладонях выступили капельки крови.

– Послов заковать в железа! Немедля! Пытать страшно. Огнем и мечом. А потом расчленить и скормить собакам, – выдохнул на одном дыхании, дико вращая глазами. Даже Вельский, выдавший всякое, и тот испугался, сделал шаг назад. Царь в гневе мог и посохом ненароком прибить.

Опричники, гремя амуницией, ринулись вон из полатей. На дворе вскочили на коней и понеслись в сторону Посольского приказа.

Иван Васильевич прислушался, как вдали стих drobный перестук лошадиных копыт. Все еще тяжело дыша, но, уже успокаиваясь, велел:

– Вели воеводам Воротынскому и Хворостину⁴ собирать полки. Пора наказать Гирейку⁵.

---

⁴ В битве при Молодях 60 000 войско под предводительством воевод М. Воротынского и Д. Хворостинина наголову разгромили 120 000 крымско-турецкую орду. Обрато в Крым смогло вернуться только 5 000 человек. Это положило предел турецко-татарской экспансии в Восточной Европе. Воевода Воротынский уже через год по доносу своих холопов был обвинён в намерение околдовать царя и во время пыток умер. Причём царь сам, своим посохом подгрeбал угли и советовал палачам как ловчее пытать изменника.

⁵ Девлет I Гирей. Хан Крымской орды (1512–1577) хан Крыма в 1551–1577 годах из рода Гиреев. Известен многочисленными военными походами, в основ-

– Исполню, государь.

Прав Вельский, давно назрел момент для обуздания крымчаков. А то и вовсе обнаглели. Когда Иван Васильевич с божьей помощью присоединил к Московскому царству Казанское ханство и иже с ним Астраханское, то крымчаки, вкупе с татарами и присоединившимися к ним польскими силами, двинулись на Москву. Тяжко тогда пришлось. Все южные порубежные земли были разорены, а жители, – кто не успел убежать вглубь страны, частью порублены, а частью уведены в полон. И Москва, кроме Кремля каменного, вся была сожжена. Пришлось тогда, чтобы усмирить врагов, пожертвовать Астраханью. Сам царь вышел к послам татарским в сермяге, показывая, что хан лишил его всего, что имел он до этого. Враг схлынул с Руси, но чувствовалось – ненадолго это. В разоренной и униженной Руси подняли голову внутренние враги. Иван Васильевич метался из Серпухова в Бронницы, оттуда – в Александровскую слободу, а затем в Ростов и везде железной рукой наводил порядок. Кого казнил, кого миловал, кого возвышал, а кого и отдавал на потеху опричникам. И враги притихли, уползли в щели и за-таились.

И вот новая напасть.

Настроение, такое благостное с утра, испортилось, и Иван Васильевич недовольно покосился на Вельского. Только ему

ном войнами с Московским государством. Добивался восстановления независимости Казанского и Астраханского ханств, завоёванных Иваном Грозным.

он позволял говорить обо всем без утайки. За то и ценил. Его да Малюту, личного своего заплечных дел мастера. Ценил за то, что страха не ведали. Не перед ворогами, где каждый воин не должен спину гнуть, а именно перед ним, своим государем.

Вельский говорил еще что-то, но Иван Васильевич не слушал. Память увлекла в прошлое. Вспомнился случай из того времени, когда ему исполнилось двадцать лет, и он только начинал царствовать. Смутное было время, беспокойное. Ближние бояре не принимали юного царя всерьез, за спиной творили темные делишки, нисколько с ним не советуясь. Он видел их гнусные улыбки, насмешливые глаза и громкий, непочтительный говор в его присутствии. Будто и не царь он вовсе, а так, дитя неразумное. В боярской думе да на совете все кричали, орали, не обращая внимания на помазанника божьего. Тогда и родилась эта злоба и бешенство против спесивых, толстых, обрюзгших бояр. Вскоре они умылись кровавыми слезами, но все это началось не враз.

Душа его находилась в смятении, он искал способы повелевать и искал совета. Много мест посетил, прежде чем однажды оказался в Песношском монастыре. Там за крепкими стенами не первый год томился бывший Коломенский епископ Вассиан Топорков. Ранее был тот любимцем великого князя Василия Ивановича, отца Ивана, но впал в опалу. Любопытства ради решил посетить юный царь узника, на веки вечные заточенного в монастыре. Старик был совсем седым,

с бородой ниже пояса и проницательными глазами, в которых, несмотря на преклонные годы и долгое заточение, не потух свет. Он спросил его тогда: «Как я должен царствовать, чтоб вельмож своих держать в послушании и повиновении?» Старик долго молчал, потом поманил царя к себе пальцем и прошептал на самое ухо: «Если хочешь быть самодержцем, не держи при себе ни одного советника, который был бы умнее тебя, потому что ты лучше всех. Если будешь так поступать, то будешь тверд на царстве и все будешь иметь в руках своих. Если же будешь иметь при себе людей умнее себя, то по необходимости будешь послушен им». Понял Иван, что нашел то, что искал. Он растрогался, поцеловал старца в щеку и сказал: «Если бы отец мой и был бы жив, то и он такого совета мне не подал бы!»⁶

С тех пор прошло много лет, но слова эти Иван Васильевич запомнил. Истину изрекли уста заточенного старика, и не единожды он убеждался в этом. Со временем смог он примучить бояр. Кого отдал псарям, кого порубили охотие до всяких забав опричники, кто – как Ванька Курбский – сбежал в заморские земли. Ну, а те, кто остались, теперь со страхом смотрят на него и во всем послушны. Прав был Вассиан Топорков! Прав!!!

Вернувшись из воспоминаний, Иван Васильевич перебил

---

⁶ Из воспоминаний Андрея Курбского, в начале правления Ивана Грозного ближайшего его советника. Курбский считал, что именно от сатанинского силогизма Топоркова произошли все последующие беды.

неторопливую речь Вельского:

– Еще что?

Вельский, запнувшись, замолк на полуслове, но тут же изрек:

– Васька Колычев до тебя государь просится. Речет, что слово имеет.

Иван Васильевич память имел цепкую и поименно знал почти все боярские роды. Даже тех, чьи кости давно уже сгнили. Поэтому вспомнил враз.

– Это который? Не из Борисова ли?

– Он, государь.

– Чего ему надобно? Прознали?

– Уличен в измене. – Вельский склонился к голове царя. – Донесли, что тайно сносился с ляхскими послами. Хотели схватить, да оплошали – в бега подался Васька. А не далее, как пару ден назад, был опознан в Москве. Гришка, холоп его беглый, и опознал хозяина своего. Шепнул словцо дьякам Разбойного приказа. Ну, а те теперь уж не оплошали. Ваську тут же схватили и в холодную. Но успел он крикнуть слугам твоим верным, что имеет слово тайное для государя. Потому и не бит пока батогами... Твоего решения ждем, государь.

– Кто донес, что зло умышлял?

– Подьячий Гришка Колыванов. Слышал-де он разговор случайный. Якобы двое послов ляхского короля Сигизмунда склоняли боярина одного к измене. Хотели они, чтобы тот вражьими тропами провел воинство их под самые стены Ко-

ломны. А они, под покровом ночи, тот город возьмут, пожгут да пограбят. Людишек, ежели успеют, кого в полон уведут, а кого и посекут. Васька этот якобы согласие дал то злодейство свершить.

– Как прознали, что Васька это, а не шпынь подосланный? – заинтересованно спросил Иван Васильевич. Любил он, когда подобных злодеев, коих на Руси от века в век хватало, ловили. Измена везде и, стоит глаз опустить, не доглядеть – и очутишься брошенным на поругание озверевшим злыдням. Оттого и окружил себя непобедимым опричным воинством.

– Так Гришка и указал. Любопытство его разыграло, он возьми да и выгляни из-за угла. Ваську-то и признал. Видал он его единожды в приказе. Признал и нам шепнул. Мы за ним, а тот в бега. А вот сейчас, хвала Господу, словили.

– Подьячего допросили?

– Как и положено, государь. Под батогами от слова своего не отступился, все как есть рассказал. Он, дескать, это. Васька. Родовитый боярин Колычев.

– А что ляхи?

– Посекли их, когда была послана за ними вдогон сотня детей боярских. Не хотели сдаваться и полегли все до последнего.

– То ладно! – Царь остался доволен. Хотя и дали промашку в первый раз, зато вдругоряд поймали. Главное – злыдню утечь не дали. – Хвалю. А что холоп?

– Сидит, награды дожидается. За то, что выдал беглого преступника... Как поступить прикажешь?

Иван Васильевич устремил взор на окно, забранное венецианским стеклом. Там, за стенами, шумел город – непокорный, буйный, требующий постоянного его, царского, пригляда.

– Гришку заковать в железа. Это вместо награды ему будет. Неча бегать от хозяев... И так беглых хватает на Руси-матушке! Ваську отдай Малюте. Мне до него дела нет. Пусть визнает все и, если правда то окажется, что зло умышлял, тогда на дыбу его.

Вельский склонился еще ниже, прошептал почти в самое ухо:

– Прости меня, государь. Но мнится мне, что оболган Васька этот. Потому и хочет просить милости твоей.

– Крутишь ты что-то, Богданка! – Царь сдвинул брови. – Ты ж только мне толковал, что подьячий правдивость свою под пыткой доказал! А теперь сомнения имеешь?

Опричники вмиг напряглись, смотрели зло, с ненавистью, готовые по первому слову государя кинуться вперед и рвать на части бывшего царского любимчика. Бояре, кто был рядом, потупили глаза, пряча злорадствующие ухмылки.

Вельский легко предугадывал настроение царя. Знал когда обратиться с просьбой, а когда лучше держаться подальше, чтоб не навредить себе. Потому и держался столько лет возле государя. Сейчас он понял, угадал, что гнев царя на-

пусковой, показушный. Сегодня царь не склонен проливать кровь, и Вельский как никто другой знал это.

Оттого и решил он сказать ему про Ваську Колычева. Да и что греха таить, не бескорыстно. Успел тот сунуть ему перстенек красоты неопишуемой, красовавшийся сейчас на большом пальце ближнего боярина. И шепнул, что отблагодарит достойно, если удастся выйти из Разбойного приказа. Виновен Васька, аль нет – жизнь покажет. Куда ему деваться от верных слуг царевых? Надобность будет, везде сыщем – нигде ему не укрыться. Но почему-то думал Богдан Яковлевич, что и действительно – оболгали завистники Ваську, оттого и попал тот в застенки пыточный.

– Милости он твоей просит. – Вельский склонил голову еще ниже. – Прости никчемного раба своего, что взял на себя смелость помыслить о недостойном. Тебе решать государь, прав он или нет.

– Милость моя всем нужна, – проворчал Иван Васильевич, успокаиваясь. – Да только меня кто помилует?.. Один лишь только Господь, если будет на то его воля... Настырен ты, Богданка. Ну, да ладно, зови Ваську! Послушаем, как тот будет изворачиваться.

Ваську ввели, бросили на колени перед царем. Тот сделал попытку приблизиться, но один из опричников наступил на полу запыленного кафтана. Затрещала когда-то дорогая материя.

– Оставь! – Иван Васильевич шевельнул пальцем, и

опричник отошел, не сводя настороженного взгляда с преступника. Кто знает, что у того на уме. А ну как – кинется на царя? Охрани Господь от такой напасти!

Васька подполз, прикоснулся губами к царевой золоченой туфле.

– Не вели казнить, государь. – Побелевшие губы дрожали, по щекам текли слезы. – Проклятые ляхи возвели хулу на верного раба твоего. Хотели извести меня и весь род наш.

– Хулу, говоришь? – Иван Васильевич нагнулся, схватил Ваську за волосы, прошипел, сузив глаза от бешенства: – А с ляхами кто сносился? Кто хотел ворогов привести под город Коломну? Почто такое удумал? Ну!!! Говори, смерд, а то велю собакам скормить.

– Не... Не... Го... Го... – Слова застревали в горле.

– Что мычишь, непотребный? Али язык проглотил? – Иван Васильевич отпустил Ваську, откинулся на троне.

Бывший боярин, а ныне смерд, преступник, тать, попытался подняться, но сила в руках иссякла. Ослабли они то ли от страха, то ли от бессилия. Зато вернулся голос. И он заголосил – быстро, сбивчиво, боясь, что царь не выслушает до конца и велит тащить вон из полатей:

– Государь, невиновен я!!! Ляхи проклятущие зло на меня поймали за то, что обозы мои да караваны с разным товаром, по твоему царскому повелению, в обход ляшской стороны торговать пошли. В Свитьод⁷ и далее – в полуночные

---

⁷ В средние века название Швеции.

страны. От того они большой убыток стали терпеть, а на меня зло копить... Не единожды я получал от них подметные грамоты, чтобы отступился от царского поручения. Но я на своем стоял твердо и за то великое поругание имел, – Васька всхлипнул. – Батюшка мой хворый лежит, того и гляди – помереть может со дня на день. А меня как последнего раба кинули в застенки... За что, государь?

Васька замолчал, рукавом вытирая катившиеся слезы.

Иван Васильевич взглянул на Вельского. Тот кивнул, добавив:

– Отец его, Твердислав, три года назад грамоту получил. Велено ему было караваны и иные какие товары в ляшской земле не торговать, а вести дальше. Распорядился ты, государь, сделать это оттого, что купцов наших и торговых людей там всячески притесняли и обижали.

Иван Васильевич смотрел на распростертого человека. Пока Вельский говорил, в голове неторопливо ворочались мысли. Васька перестал елозить рукавом по мокрому лицу, выжидательно смотрел на царя. Понимал, что сейчас решается его судьба.

– Поднимите его!

Двое опричников подхватили Ваську под руки, подняли. Тот, не в силах стоять, обвис, словно куль на руках стражников. Они его встряхнули, да так, что голова Васьки мотнулась из стороны в сторону, и оставили стоять на дрожащих ногах.

– Говоришь, хворает отец? – неожиданно спросил Иван Васильевич.

– Хворает батюшка, хворает! – Васька поймал цареву руку, облобызал. – Стар стал, немощен. По дому без чужой помощи почти и не передвигается. Только если холопья поддерживают.

– Я тоже хвораю, – негромко произнес Иван Васильевич. – Но молюсь, денно и ночью, оттого и живой пока. Потому что молитва излечивает почище иных лекарей и знахарей.

– Истинно, государь. Истинно! – залепетал Васька, пробуждаясь к жизни.

Боярин чувствовал себя словно на углях. Знал, что цареву настройку переменчиво, как ветер в знойной пустыне, и он молил Бога, чтобы поскорее оказаться подальше от этих полатей.

– Не знаю почему, но Бог подсказывает мне, что и вправду оболган ты... – Иван Васильевич задумчиво теребил маленькую, клинышком, бородку, не спуская горячего взгляда с Васьки. Тому опять стало худо, да так сильно, что свело низ живота. – Надо бы тебя, конечно, в железа заковать, чтобы впредь не бегал от моих слуг. Ну, да ладно... Прощаю... От притеснения ляхов ты будешь освобожден. А за верность – вознагражден! – Царь стянул с безымянного пальца рубиновый перстень.

Тот вздрогнул, еще не до конца веря, что царь сменил гнев на милость. Хотел опять бухнуться на колени, но царь схва-

тил сильными пальцами за плечо, притянул к себе.

– Впредь служи верно. Тогда и ты, и весь род твой в достатке будет и в довольстве... Теперь ступай.

Васька поднялся, еще раз поклонился царю и несмело, пятясь задом, выскользнул из полатей. Вельский проводил его внимательным взглядом. Подумал, что повезло Ваське, он и не предвидел такого, на что уж хорошо царя знал. Государь становится все более непредсказуем и... опасен. Надо держать ухо востро. Иначе и уши потеряешь, и голову.

Иван Васильевич расстегнул ворох рубахи.

– Что-то душно здесь. Дышать нечем. Богдан, вели запрягать, поедем в Ростов. Устал я, отдохнуть хочу.

Через мгновение весь дворец наполнился шумом и гамом, напомнив потревоженный улей. Забегали холопы, таская съестные припасы и нагружая телеги; конюхи выводили всхрапывающих, бьющих от нетерпения копытом коней; тут же псаря едва сдерживали на длинных поводках гончих псов с вытянутыми мордами и тонкими, но мускулистыми ногами. Боярские дети в алых, расшитых золотом кафтанах садились на коней, весело перекидываясь озорным словцом. Отдельной сотней выстроились опричники – личная гвардия царя. На поясе у каждого с одной стороны висела метла, а с другой оскаленная собачья морда – символы опричной власти. В расписную, запряженную тройкой лошадей повозку шумной гурьбой садились разбитные девицы, призванные развлекать царя и его ближних людей.

Все были возбуждены и горели желанием поскорее вырваться из шумного города. Туда, на волю, где ждут утехи и развлечения, на которые так горазд государь.

Василий на все на это смотрел со стороны, пробираясь, словно тать, к воротам. Палец жег царев подарок, но снимать его не решался, а руку от греха спрятал за пазуху. У самых ворот услышал строгий окрик:

– Куда прешь, харя немытая?

Молодой безусый опричник остановил разгоряченного коня и уже поднял, было, плеть, собираясь огреть Василия. Тот аж задохнулся от такой наглости, даже страх на время пропал. Да как он смеет оскорблять непотребными словами его, родовитого боярина? Ведущего род чуть ли не от Свениуса, брата Рюрика? Но, увидев злой взгляд голубых глаз – осекся. Памятен еще был Грозный-царь и эти молодые вой, чья нонче власть на Руси. Потому и смолчал, умерив гордыню.

– Оставь его, Николка, – окрикнул другой воин, седлавший коня. – Отпустил его царь. Даровал свободу и жизнь. Пусть свечку ставит Николаю Угоднику.

– Вона как... – Молодой опустил плеть. – Тады ладно, пускай живет да благословляет царя-батюшку.

Седоусый стражник отворял ворота. Петли закрипели, выпуская Василия за стены Кремля. Оказавшись на шумной улице, он быстро, не оглядываясь, пошел, а потом побежал, куда глаза глядят. Остановился только тогда, когда уперся в

храм Василия Блаженного. Как раз звонили к обедне, и колокола разносили мелодичный звон на всю округу. Рядом, толкая Василия и поругиваясь, спешил в церковь народ. На него внимания никто не обращал. А он стоял столбом, устремив взор на золоченые купола. Прошептал, перекрестившись:

– Господи!!! Спасибо тебе, что уберег и не дал сгинуть от навета злого и несправедного!

Троекратно осенил себя крестным знаменiem, трижды поклонился и побрел дальше.

На углу одной из улиц, привалившись к дощатому забору, достал руку с нанизанным перстнем. Камень сиял, отражая солнечные лучи, переливаясь и искря. Глаз оторвать от него было невозможно, и Василий стоял и смотрел до тех пор, пока не заметил рядом подозрительного мужичка.

– Чего уставился? Пошел вон!!! А не то кликну стражу и получишь плетей!!!

Мужичонка потупил взор и пошел прочь. Василий оглянулся, стянул с пальца камень и спрятал в самое потаенное место, какое только мог найти. Оглядел себя с головы до ног. В запыленном, местами порванном кафтане, в шароварах, которые из алых стали серыми, с лицом, на котором лежала печать всего пережитого, он мало чем отличался от снующих вокруг простолюдинов. И не скажет кто, что это боярин, владевший многими селами и деревеньками.

Дворня, когда увидела своего барина – диву далась. Они и не чаяли уже увидеть его в живых, а он – вот, явился, можно

сказать, с того света. Не слушая горестные причитания баб, коротко приказал срочно топить баню, да пожарче: с хмельным квасом да березовыми вениками. Затем взбежал по ступеням на высокое крыльцо и принялся скидывать с себя опостылевшую одежонку. Когда все было готово, зазвал двух девок, и они долго терли хозяина, смывая с него пыль и грязь, а главное – страх, владевший им до сего момента.

Потом как следует перекусил, и вот теперь сидел за полупустым столом, не сводя глаз с царева подарка, водруженно-го аккурат посередине стола. Кроме двух свечей да жбана с квасом на нем ничего не было. Хмельные напитки Василий не уважал. Помнил, как еще юнцом совсем перебрал однажды хмельной браги и на следующий день не мог вспомнить, что творил накануне. С того момента хмель в рот не брал. Знал, что напиток сей, подобно чарам злой колдуньи, мог превратить человека в невесть что. Человек уже становился не волен управлять своими поступками, превращаясь в бессловесное животное.

Налил кваса, выпил.

– Бог помог, не иначе. Потому и пронесло мимо кары государевой. А ведь могло все стать и по-другому. Висел бы сейчас на дыбе, умолая о пощаде... Бр-р! Кто ж выдал меня? Не иначе Гришка, подьячий этот. Видел мельком я харю его мерзостную да глаза бегающие. Он, он – более некому. Помнил, злыдень, как выбивал с меня деньгу лишнюю, а я возьми да откажи. С тех пор и затаил злобу, искал случая,

чтоб сковырнуть меня, извести. Искал и нашел. Убег я тогда. Повезло, Хвала Господу. Так вдругоряд поймали. И дернула меня нечистая явиться в стольный град. Думал, утихло все. Ан, нет! Вспомнили. Споймали... Нечо! Найду я его! Верные людишки имеются для этого – не дадут утечь пакостнику... А я молодец, не растерялся – наплел царю невесть что, хотя уже и чувствовал на шее веревку пеньковую...

Василий вздрогнул, пошарил глазами по темным углам, ища подслушников, торопливо перекрестился. Никого не найдя – успокоился. Внутренне посмеялся над своими страхами. Налил еще квасу, выпил, обтер тыльной стороной ладони губы.

«Царев застенок на пользу мне должен пойти и наукой быть впредь... Ну, да ладно, что о пустом гадать. Спасся, и хвала Господу. Да не просто спасся, а с подарком. Вон, сияет как, аж глазам больно!»

Мысли Василия потекли в ином направлении. Если бы кто узрел их ненароком, то подивился бы их черноте. Но они были надежно спрятаны и укрыты от посторонних глаз. Лишь хозяин один ведал о них.

А думал Василий, сын Твердислава, из рода Колычевых, вот о чем.

Уже не первый год не давал ему покоя золотой схрон, который отец показал ему как единственному сыну и наследнику. Показал, и пропал с той поры покой у Василия. Не иначе, как какая-то колдовская сила была в том кладе сохранена. До

сих пор он помнит тот день, когда отец решил ему открыться, поведав древнюю тайну. Случилось это два лета назад. Однажды на охоте отец чуть не погиб. Лошадь понесла, он не удержался в седле и свалился под ноги коню. Хорошо, тот не затоптал его. Василий рядом был, но помочь отцу не успел. Привезли Твердислава домой еле живого. Знахари стали лечить боярина травами да корешками разными. Кровь пускали, а, когда немного окреп, стали водить по утренней холодной росе. Чтоб земля-матушка передала ему свою силу. И чудо свершилось – стал поправляться Твердислав.

Как-то призвал он Василия к себе.

У Василия до сих пор в памяти тот давний разговор. Хоть и времени прошло немало и одни события заслонили собой другие, но помнил все слово в слово.

Отец тогда сидел за столом в одной нательной рубаше и задумчиво смотрел на сына. Молча кивнул на лавку и без долгих предисловий начал.

– Послушай историю одну. Давно это случилось, еще в те времена, когда татарва хозяйничала на Руси, примучивая русский народ. Предок твой, его Афанасием звали, жил в Рязанском княжестве. Это уже потом мы сюда перебрались, а корни наши там, на рязанщине. Так вот, в 1350 случился большой ордынский набег на Рязань. Город пожгли и многих людей в полон увели. Попал в рабство и предок твой, Афанасий. Все, что тебе сейчас поведаю, знаю я со слов отца своего, а тот, значит, от своего отца. Так из века в век и передается

эта история, случившаяся с нашим пращуром... После долгих мытарств оказался он в городе Каффе⁸, на невольничьем рынке. Басурмане их всех туда пригнали и скопом местным торговцам сдали. Ну, а те продавали христиан, словно баранов. Прости меня, Господи! Афанасий о ту пору был не стар еще и крепок, и силушку к тому же имел немалую, потому и недолго под палящим солнцем простоял. Оказался он в доме купца Махмуда, где приставлен был таскать тяжести разные. Три года томился Афанасий в неволе, все время поглядывая в сторону земли русской. Уж больно сердце его тосковало, а убечь случая все не приходилось. Местные знали, что русичи часто бегают из неволи, потому и сторожили их пуще остальных невольников. Не был исключением и Махмуд. Но однажды случилось нечто такое, что ускорило возвращение Афанасия на родную землю. Как гласит легенда эта, однажды Афанасия призвал к себе Махмуд и велел собираться в дорогу дальнюю. Поедет он с ним в город Солдайю⁹ и будет толмачить, переводить то есть с русского языка на их, басурманский. Свой толмач у него имелся, но незадолго до этого за какие-то грехи отдали того в руки палачу. Надо сказать, что предок наш к тому времени язык басурманский понимал неплохо и изъясняться тож умел сносно. Махмуд, заметив, как заблестели глаза у русича, сказал, мол, ежели исполнит все как велено, то отпустит он его на волю и грамоту даст,

---

⁸ Современная Феодосия.

⁹ Современный Судак.

чтобы не чинили препятствий, когда будет добираться он до земли родной. Решил тогда поверить Афанасий Махмуду и не убегать по дороге, как вначале думал. Стало быть, поехал он в город этот. Кроме него с Махмудом было еще три человека. Молчаливые, свирепого вида арабы и оружные все. Словно не купца сопровождают, а начальника большого. То вначале удивило Афанасий, но вида он не показал. Решил, что не его то дело. Купцами оказалось двое стариков. Во время разговора они недобро поглядывали на Афанасия, а он знай себе переводит и все. Потом один напрямик спросил – надежен ли, мол, человек этот, не имеет ли длинный язык. Махмуд ответил, что нет, не продаст, польстившись на пару золотых монет. Потому как обещана ему свобода и воля вольная. Что для раба может быть краше? Уловил тут в его словах Афанасий зло потаенное и смекнул, что никакой вольной грамоты Махмуд ему не даст. А похоронит, скорее всего, тут же, в незнаемом генуэзском граде. Скинут в воду с камнем на шее и все. Крепко задумался Афанасий и не стал дожидаться, когда Махмуд отдаст его в руки своим головорезам. Ночью решился он на побег. И только собрался сигануть за борт, как увидел, что сбоку подплывает небольшая фелюга. Когда встала она борт о борт с кораблем Махмуда, арабы принялись перетаскивать туда какие-то ящики. Много их было и тяжелые видно – арабы аж вспотели все. Напоследок Махмуд приказал им отправить русича на корм рыбам. Сделал свое дело и пусть себе покоится на дне морском

во славу Аллаха. Услышав это, уверился Афанасий в правоте своей и такое зло его взяло! Пока басурмане пробирались по темному кораблю, он их одного за одним отправил к их Богу. Не помогла им ни их хитрость звериная, ни сила, ни оружие острое. Ну, а Афанасию, я так думаю, помогли наши славянские боги. Не дали сгинуть на чужой стороне и вложили в руки твердость, а в голову разум... Вот значит как... Скинул он затем охальников этих в темные воды, а сам явился перед очи купца Махмуда. Тот как увидел Афанасия с окровавленным мечом, аж затрясся весь от страха. Понял, что жизнь его висит на острие того самого кинжала, который сжимает в руке проклятый славянин. Совсем, видно, потеряв разум от страха, стал он срывать крышки с ящиков, которых был полон трюм. Заискрило в глазах у предка нашего от увиденного, заблестело. Чего там только не было: золотые и серебрянные монеты, диковинные украшения, камни драгоценные, рубины, яхонты, алмазы. Да много чего еще. Откуда такое богатство у Махмуда, Афанасий и не прознал никогда. Пока он любовался золотом, Махмуд ринулся из каюты. Афанасий оказался быстрее и, изловчившись, поразил Махмуда. Но тот умер не сразу, а успел перед смертью сказать несколько слов: «Проклятье хана висит над этим золотом. Всякий, кто обретет его, потеряет покой и найдет смерть свою...» Вот, значит, какие слова сказал перед смертью купец Махмуд. Сказал и испустил дух. Так Афанасий оказался один на корабле, но с золотом, которое делало его бога-

че иного князя. Стал он думать-гадать, что далее делать. Команды-то на фелюге¹⁰ не было – арабы сами со всем управлялись, да Афанасий иногда им подсоблял. Окромя их, правда, был еще один малец-служка. Прислуживал он Махмуду за столом, да иные какие обязанности выполнял. Звали юнца Атий. Видел он, как страшный русич разделался со всей командой и с хозяином, и ждал, что и его постигнет та же участь. Афанасий не стал трогать Атия, а оставил при себе. Вдвоем-то сподручнее на корабле управляться. К тому же Атий неплохо знал эти места и мог в дороге пригодиться. Как оказалось впоследствии – сделал он это зря... – Отец замолчал, покачал головой. После паузы продолжил: – Но это он потом понял, а тогда решил Афанасий пробираться на родину. По воде-то намного сподручнее было, чем посуху. Да и богатство, нежданно обретенное, бросать не хотелось. А на себе много ли унесешь? Вот и тронулись они в путь, благословясь. Плыли по ночам, а днем хоронились в укромных местах. Много опасностей пришлось им преодолеть, но Бог помогал, и они все ближе продвигались к родным берегам. Атию Афанасий пообещал, что обязательно отпустит, ежели тот поможет пригнать корабль туда, куда он укажет. Так они и двигались далее: Афанасий за штурвалом, Атий управлялся с парусами, благо ветер все время попутный дул. Каюту ту, где ящики с золотом были упрятаны, Афанасий на крепкие засовы запер и Атию до времени не показывал. Но ма-

---

¹⁰ Небольшое парусное судно с косым четырёхугольным парусом.

лец шустрым оказался и в запретную каюту проник. Как ему удалось запоры снять – одним богам ведомо. Не иначе, как без нечистой силы здесь не обошлось. Афанасий узрел Атия, когда тот уже в золоте копался. Хотел он прибить мальчика, но пожалел. Побоялся, что одному ему не сдюжить, а путь предстоял еще неблизкий, почитай – половину всего прошли. Одним словом, пожалел, а ночью вьюнош этот кинулся на Афанасия с ножом. Видно, золото заморское затуманило ему разум и нож в руку вложило. Успел он ранить Афанасия, прежде чем тот дал отпор насильнику. Поняв, что с Афанасием ему не управиться, Атий сиганул за борт и пропал, растворился в ночи. Сколь Афанасий не вглядывался – так ничего и не увидел. Решив, что боги наказали Атия и теперь он в их владениях, Афанасий перевязал руку, перекрестился и поплыл далее. Тяжек и труден оказался путь к родным берегам. Через два дня понял он, что не доплыть ему. Или на рифы напорешься, или иную какую опасность проморгаешь. Да и рана давала о себе знать, слабел Афанасий с каждым днем все сильнее. Тогда решил он спрятать золото и дальше двигать налегке. Пристал в укромном месте, нашел пещеру тайную и целую ночь ящики туда перетаскивал. Затем в днище корабля прорубил дыры и, отогнав подальше от берега, затопил. После того, оставив одному ему понятные знаки и, захватив с собой малую толику золота и припасов, отправился далее. Долго шел. Более года ему понадобилось, чтобы вновь Рязань узреть. После набега татарвы город уже отстро-

ился, а родовое подворье так и зияло пустырем. Некому было ставить новую избу – все в том кровавом набеге погибли. Оставшегося золота, что сберег, скитаясь по чужим местам, едва хватило на новую избу, да на снаряжение небольшого корабля. Клад он нашел нетронутым, хотя и опасался, что найдут его злые люди. Но нет, все на месте оказалось.

Отец остановился, жадно припал к жбану с квасом. Напившись, обтер усы.

– Вот почти вся история, Василий. Могу только сказать, что с тех пор дела у Афанасия в гору пошли. Около десятка кораблей снарядил он в разные концы света, а лавок было раскидано по всем городам столько, что и не счесть. Со временем привел он в дом хозяйку, а затем и детишки пошли. Богатство, отнятое у купца Махмуда, упрятал Афанасий в глубоком колодце, куда только сам тайный ход знал. И зажил он счастливой жизнью, но на закате дней случилось с ним несчастье. Упал он с коня и сильно расшибся. Вот как я ноне. И пошло-поехало. Ведь, как известно, беда одна не ходит. Приключился о ту пору на Рязани страшный мор. Жена померла, да и детишки те, кто поменьше был. Враз, будто сглазил кто, и дела торговые в упадок пришли. Вот тут и вспомнил Афанасий про последние слова Махмуда. Про ханское проклятье, значит. Перед тем, как умереть, успел он поведать об этом сыну своему, Любомиру, и предостерег его. А умер он страшно и непонятно. Об этом еще долго на Рязани разные пересуды ходили. Однажды на подворье к Афанасию

явился убогий человек и как заверещит на всю округу, ты-ча скрюченным пальцем в хозяина, как раз в тот момент вышедшего на крыльцо: «Отдай золото!!! Отдай!!! Всевидящее око великого хана все видит и все знает!!! Отдай!!!» Афанасий как это услышал, так умом и тронулся. Слег и больше не вставал, а вскорости и помер... С тех давних пор минуло много времени, и история сия передается от отца к сыну. Со временем перебрался род наш сюда, в Борисов-град, и живем мы тихо, не гневя богов. Но все наши предки, начиная с Афанасия, умирали не своей смертью. Кто погиб на охоте, кто оставил свои кости на чужбине, а кто и вовсе сгорел от неизвестной хвори. Вот, как отец мой, дед твой, значит... Просто лег и умер после застольного стола, где только все свои были... Чудеса... – Отец замолчал, покачал седой головой, поднял глаза на сына. – Значит, существует ханское проклятье? Чего молчишь, Васька?

Василия эта легенда потрясла. И не всякими там небылицами, а несметными сокровищами, которыми, оказывается, владел их род на протяжении веков. Удалец был пращур! Прирезал нехристя и золотишко прихватил. Вернулся из неволи, стало быть, с немалым прибытком. Не каждому так везет.

– Так что же, отец, – спросил тогда Василий вмиг севшим голосом. – Выходит, здесь золото? У нас? И ты все эти годы молчал?

– Цыц! – прикрикнул Твердислав. – Потому и молчал, что

характер твой своенравный знаю. А сейчас, чуть не отдав Богу душу, испугался я, что судьба предка нашего меня ждет. Потому и поведал тебе тайну эту.

Твердислав помолчал, потом непринужденно изрек:

– А золото здесь, под нами... Ты, поди, и не знал никогда!

И засмеялся ехидно так, за что Василий его вмиг возненавидел.

– Бери факел, Васька!

Они прошли по темным коридорам огромной усадьбы и очутились в том крыле, где Василий не бывал прежде. Вход сюда был строго заказан всем. Единожды, когда Васька был еще совсем мальцом, попытался он сюда по глупости малолетней сунуться, но получил такую отповедь от отца, что любопытство вмиг пропало и не возвращалось более. И вот теперь отец сам его сюда привел. Отец позвенел ключами, отпер тяжелую дверь. Открылся темный провал и ступени, ведущие вниз, под землю. Спускались недолго, пока не уперлись в стену. Василий посветил факелом. Ни запоров, ни замков, ничего, что бы хоть отдаленно напоминало дверь.

– А дальше что? – спросил нетерпеливо.

– Не егози! – Отец хитро прищурился, пояснил: – От воров это препятствие еще наш предок соорудил. Строили его ганзейские мастера, и денег оно немалых стоило. Но охальников пришлых, кои вдруг прознают о кладе схороненном – остановит. Погодь.

Отец поднял руку, провел по стене. Послышался негром-

кий стук, как будто соприкоснулись два булыжника, и стена стала куда-то проваливаться. Василий аж вздрогнул и невольно сделал шаг назад. Присмотревшись, заметил, что стена, проворачиваясь на невидимом механизме, уходит в сторону.

– Этот лаз Онкудин соорудил прадед мой, – негромко проговорил отец, следя за реакцией сына. – Аккурат вскоре после того, как род наш сюда перебрался из-под Рязани. И все тут обустроил. Штольни провел, оттого и дышится легко. Ну, пошли что ль? – И первым переступил порог.

Они оказались в небольшом помещении.

– Затеpli факелы на стене. – Отец пропустил Василия вперед. Сам не пошел, а присел на перевернутый ящик возле самой двери. – Смотри, чем будешь обладать, когда Бог призовет меня.

В свете факела Василий увидел около десятка ящичков, стоящих вдоль стен. Откинул крышку одного, второго, третьего и замер, пораженный увиденным. Чего тут только не было! Лазуриты, кораллы, аметисты, яшма, изумруды. В серебряном двуручном сосуде вперемешку лежали жемчуга, рубины и сапфиры. От такого богатства вмиг вскружило голову. Василий зачарованно переходил от одного ящика к другому. Взял в руки серьги, сделанные в форме корзиночки, к которой крепилась фигурка богини. Полюбовался, осторожно положил обратно. В следующих ящиках были золотые чаши, браслеты, наплечья, ожерелья.

До сих пор у Василия стоит перед глазами блеск от золота заморского. Отец насилу его и оторвал от созерцания такого богатства. Напоследок, когда они опять сидели в горнице, предупредил:

– Помни, Васька! Мнится мне, не одни мы о золоте ведаем. О том меня еще отец мой предупреждал и велел беречься. И тебе о том же говорю. Хотя и храним мы тайну эту свято и доверяем лишь сыновьям нашим старшим, но не один раз на него уже покушались. Завладеть хотели. Оттого и смерти предков наших не случайны, а произошли по злому умыслу... И еще знай. В золоте том вся сила нашего рода заключена. Утеряем его – и конец нам придет. Иссохнем, как гнилое дерево, жизненных соков лишенное. Помни об этом!

.. Василий очнулся от дум. Далеко на горизонте, за окном, небо посерело, предвещая начало нового дня. Очнувшись от ночного сна и боясь опоздать, запел петух. Ему торопливо вторил другой, с соседней улицы. Внизу по мостовой проскрипела телега, послышался негромкий окрик возничего. Город просыпался.

Василий встал, прошелся по горнице, потянулся, разминая затекшие чресла. Он и не заметил, что свеча совсем догорела, оставив в плошке лишь расплавленный воск, а он сидит в полной темноте. Хотел крикнуть холопа, чтоб зажег еще свечей, но передумал. Скоро рассвет.

С того давнего с отцом разговора минуло уж более двух лет. Отец после болезни поправляться стал, поднялся на но-

ги, превратившись в того, кем и был прежде. Всевластного Твердислава. О разговоре том не вспоминал более и Василия к золоту не подпускал. Один раз пристал Василий к отцу с просьбой еще раз показать родовое золото, но Твердислав как зыркнет глазами — Василий и отстал.

По всему выходило, жалел Твердислав о том, что поведал сыну древнюю тайну. Василий с тех пор потерял сон и покой. Уверовал он, что колдовская сила была заложена в том кладе, раз манил он Василия и звал за собой. И решил тогда Василий известить отца, чтоб одному владеть золотом и распоряжаться им так, как душа пожелает. Твердислав еще крепок и неизвестно сколь долго времени пройдет, прежде чем он окажется на погосте. А ждать Василий не желал.

Мысль эта явилась враз, как будто ниспосланная свыше. Василий проснулся тогда весь в поту и долго молился, стоя на коленях и отбивая поклоны. К утру, когда вся спина болела, а тело ныло и стонало — утвердился он в своем намерении.

В дальней деревеньке нашел старую бабу, известную своими тайными знаниями. Жила она в глухой чащобе, и путь к ней был не близок. Но Василий все равно отправился, прихватив с собой лишь верного холопа Михалко. Был он предан хозяину, словно пес, да к тому же и нем от рождения, так что лишнего болтать не будет. Старуху нашли быстро, благо знающие люди путь верный указали. Передала она в руки Василию небольшой горшочек с бесцветной жидкостью, а

в ответ получила пять золотых монет. Зачем старухе золото – было не понятно. Бойтся, наверное, старая чертей в аду с кипящими котлами, потому и копит золотишко, чтоб откупиться на страшном суде за грехи свои тяжкие. Спрашивать не решился, боясь разозлить зловредную старуху. Ну, а как даст не то, что нужно? Тогда и сам помереть можешь ненапроком.

Старуха спровадила их быстро, напоследок наказав делать так, как она велела. Тогда, через положенное время, человек уснет и не проснется – тихо и безболезненно отойдя от мирской жизни. Именно такой смерти и желал Василий отцу своему. Хотя и замыслил он дело недоброе и злое, но страданий Твердиславу не желал. Отец все-таки. Отъехав с полверсты от жилища ведуньи, Василий послал Михалко назад, чтоб тот навеки успокоил старуху-знахарку. Что тот и сделал.

Еще цельный год Василий не решался подмешивать яд в еду Твердиславу. Боялся гнева божьего. Но однажды, не в силах более ждать, сделал первый шаг, и с той поры уже минуло два года. Отец медленно угасал. Чувствовал Василий, что еще чуть-чуть и осиротеет он, а тогда все богатство его будет. Потому и не торопился обратно в Борисов, ждал со дня на день вестника. Нашел причину и съехал в стольный град, чтоб не видеть, как отец умирает. Правда, здесь чуть промашку не дал. Поймали соглядатаи царские, и едва на плаху не угодил. Хвала Господу, уберег, не дал гинуть. Да еще с подарком царским вернулся. Вот чудеса! Не знамо, где

найдешь, где потеряешь.

День уже задался вовсю. Через небольшое оконце пробивались косые солнечные лучи. Василий, устав ломать голову, толкнул дверь. Зычно крикнул в темноту коридора.

– Стенька! Где ты пес носит? Подь сюды!

По лестнице послышались торопливые шаги, и в горницу протиснулся невысокий мужичок в сермяге, шароварах да лаптях на босу ногу. Стянув колпак, низко поклонился.

– Звал, боярин?

– Звал, звал... Слушай сюда. Гришку Колыванова знаешь ли?

– Как не знать? Подьячий Разбойного приказа. Не один раз видал.

– В лицо узнаешь?

– Узнаю, боярин. Память у меня хваткая, цепкая. Кого увижу раз, на всю жизнь запомню.

– Ладно хвалиться-то... Найдешь этого Гришку. Тайно выведаешь, где он обретается и как его ловчее поймать.

– Сделаю, боярин.

– Ну, тогда ступай.

Но только Стенька собрался выйти, как Василий крикнул вдогон:

– Ты это... Харей-то не свети зазря. Не дай Бог прознают, что от меня послан – грехов не оберешься.

– Понял я, боярин, не оплошаю. Не малец чай, учен не единожды.

– Тогда проваливай. Да поспешай! Время нонче дорого, на вес золота.

Как только Стенька вышел, Василий надел на палец царский подарок, подошел к окну, полюбовался игрой света:

– Красив! До чего ж красив! – пробормотал восхищенно.

Стенька выследил подъячего уже к вечеру того же дня. Нюх Стенька имел как у собаки. Долго он бродил вокруг да около большого дома. Наблюдал, как входили да выходили оттуда люди. Кто побогаче – приезжал на повозке или верхом. Один раз привезли закованного человека, орущего на всю улицу на стражников. Но те на него внимания не обращали – привыкли за время службы ко всякому. Один раз только полоснули кнутом по оголенной спине татя, но тому хоть бы что – знай орет.

Долго так стоял Стенька, наблюдая, пока наконец не увидел Гришку. Он узнал его по маленькой крысиной мордочке и по крючковатому носу, нависавшему над верхней губой, словно сук. Гришка вышел со двора, немного постоял и направился в сторону Замоскворечья, где были съезжие дворы. Стенька, словно тень, заскользил следом.

Ночью Стенька был на подворье у Василия и стоял перед боярином.

– Чем порадуешь, оглоед? Сполнил все?

– Сполнил, батюшка, сполнил. Выследил охальника этого. Цельный день проторчал у приказа, его дожидаячи. И выследил. Живет он в Замоскворечье на постоялом дворе, что

держит Абросим Никодимович. Выкрасть его оттуда легче легкого. Дом могу указать и как незаметнее подойти к нему. Только он болезный какой-то. Идет, скособочившись, словно оглоблю проглотил.

– То на нем батоги царские горят! – Василий хохотнул, потом посерьезнел. – Крикни Михалко! Дело есть для вас обоих.

На зов явился Михалко и замер у двери, словно истукан каменный.

– Пойдешь с ним, – Василий указал на Стеньку, – да приведешь сюда человека одного. Кого – он укажет. Для верности возьми двух холопов. Приведешь тайно, чтоб ни одна живая душа о том не прознала. Если будет верещать – можешь пристукнуть его. Но не до смерти, живым он мне нужен. Поняли? Ну, тогда с Богом!

– Все сполним, хозяин, не сумлевайся! – Стенька поклонился и вслед за Михалко вышел из избы.

Посланные холопы все исполнили как надо. Притащили они Гришку на задний двор и заперли в холодной, где обычно содержали всяких колодников да татей. Гришка лежал на земляном полу, в крови, заваленный какими-то лохмотьями. Василий, когда вошел, не сразу и заметил его. Велел поярче разжечь факелы, прищурился.

– Подымите его!

Михалко огромными ручищами разгреб тряпье, вздернул Гришку на свет божий, поставил перед боярином. Гриш-

ка испуганно таращился на обступивших его людей. Видно, плохо соображал, где он и что с ним происходит.

– С ложа его подняли, сонного, – сунулся под руку Стенька. – Он толком и вразумиться не мог, как мы его в охапку и айда со двора. Правда, потом, по дороге, опомнился, верещать начал, брыкаться, карами разными грозить. Михалко вон, палец прокусил. Тот и приложился к нему, насилу не прибил.

Михалко, услышав свое имя, замычал, поднял кверху палец, замотанный окровавленной тряпицей. Василий поморщился, отмахнулся.

– Чего чреслами своими гнусными машешь? Не до тебя сейчас! А за службу вознагражу, когда со сморчком этим плюгавым потолкую.

Он подошел ближе, схватил Гришку за волосы, задрал голову. Тот взвизгнул, а глаза то ли от боли, то ли от страха вмиг разъехались в стороны и зажили каждый своей отдельной жизнью.

– Говори, шпынь, кто тебя надоумил на меня хулу возвести! Кто царским соглядатаям обо мне все доложил? Говори, негодный!!! Иначе пытать велю почище того, чем у тебя правду вызнавали царевы люди. Ну!!!

Глаза у Гришки встали на место, и он встретился со страшным взглядом Василия. Понял, что врать боярину себе дороже. И заголосил, размазывая по лицу слезы и сопли.

– Купцы ляхские! – Губы у Гришки затряслись, и он за-

плакал, орошая слезами трясущиеся щеки. – Они это. Подловили меня в харчевне, когда я сболтнул лишнего и стали принуждать к измене. Тебя, то есть, оговорить. Если, говорят, не сделаешь это, то тотчас о словах твоих будет положено большему боярину Салтыкову. А уж он тебе спуска не даст и шкуру обязательно спустит... Так говорили они, и я, ничтожный, испугался. А и сказал-то я только то, что царь наш батюшка бывает крут со своими людьми верными и надежными. Пьянство меня обуюло. Не иначе, какое-то зелье они мне подмешали, оттого и молол языком что попало! – Гришка перестал лить слезы, утер грязной рукой лицо, шмыгнул носом, от чего тот смешно заходил из стороны в сторону.

– Далее что? – поторопил Василий.

– Далее?... А далее денег дали и научили, что говорить и как вести себя в приказе, когда правду будут признавать. Обещали вдвое против того, ежели молчать я буду и от слов своих не отступлюсь. А потом на тебя указали. Вот и все, боярин! – Гришка бухнулся в ноги Василию. – Прости меня, грешного! Христом богом прошу. Не по злобе своей учинил я это, а по недомыслию своему и скудоумию.

Гришка замолчал, умоляюще, снизу вверх, смотря на Василия. Тот, после слов Гришки, окончательно уверился в своей правоте. Они это, они – злыдни окаянные. Вознамерились извести руками царских приспешников, и чуть было не удалось задуманное. Бог помог! Значит – его правда, раз не

дал согнуться по навету.

Гришка сопел, не спуская взгляда с Василия. Но боярин про него уже забыл.

– Бросьте его собакам. Пусть позабавятся, – сказал и вышел на улицу, отделив дверью истошный вопль обреченного Гришки.

В это самое время, когда Василий на своем подворье мучил дознанием подьячего Гришку, в Борисове умирал боярин Твердислав. Он лежал совсем один в белой чистой горнице. Иногда кто-нибудь из дворни заглядывал и, видя, как тяжело вздымается грудь у боярина под одеялом, удалялись. Вчера к боярину приехал настоятель церкви Сильвестр и причастил Твердислава. И теперь боярин был готов отправиться в последний путь. Тело стало как чужое, все чресла задеревенели и уже не подчинялись хозяину, и только в глазах еще теплилась жизнь. Удивительно, но боли не было, наоборот ощущалась какая-то легкость, будто подняла его на крыло гигантская птица и несла куда-то вдаль. Ускользающим сознанием Твердислав еще цеплялся за жизнь, за действительность, но с каждым часом эти потуги становились все слабее. Единственное, чего он сейчас желал, так это увидеть сына своего, Василия. Но тот пропал и не являлся пред очи умирающего отца. Почему его не позовут к нему? Почему он хоронится от него?

Твердислав разлепил запекшиеся губы, прохрипел:

– Васька.

Тут же из-за двери высунулась белобрысая голова дворового холопа. Прислушался, позвал в тишину горницы:

– Боярин, звал что ли?

Твердислав сколь мог повернул голову.

– Поди сюда.

Холоп несмело подошел, застыл перед ложем.

– Нагнись. – Когда тот нагнул голову, прохрипел: – Ваську сыщите, сына моего... Помираю я... Хочу увидеть его в последний раз и слово отцовское молвить. Сыщите немедленно... Время нынче дорого для меня, чувствую, недолго мне осталось. – Задышал неровно, тяжело. – Ступай!

Холоп попятился, выскользнул из-за двери. В коридоре столкнулся с ключником¹¹ Матвеем. Тот поперхнулся от неожиданности и тут же налетел на нерасторопного юнца:

– Ты чего здесь шляешься? Дел других нету? – проговорил шепотом, притянув к себе.

– Я это... У боярина был... Пробегал мимо и слышу, будто зовет он кого-то. Я и заглянул.

– Ну и...? Да говори толком!

– Просит он, чтобы Василия к нему позвали. Сына его. Говорит, что недолго ему осталось, и перед тем, как помереть, хочет сына своего увидеть.

– Спаси и помилуй! – Матвей перекрестился, пробормо-

---

¹¹ В доме боярина XVI–XVII вв. главный распорядитель, иногда значивший у господина больше, чем жена и родня, жившая во дворе. Он заведовал клетями и всеми строениями, держал ключи, словом, ведал всем домоуправлением.

тал вполголоса: — Значит, недолго уже осталось. А молодой боярин в Москве, в стольном граде. Он за столь малое время и не доскачет сюда. Посылать, аль нет? Нет, надо послать. А то, когда вернется, гневаться будет. — Матвей отвесил холопу звонкую оплеуху, словно кнутом огрел. — Пошел отсюда! И молчи о том, что видел здесь и слышал. А то не видать тебе более ни маменьки своей, ни батьки.

Юнец, сверкая босыми пятками, припустил по коридору. Матвей немного постоял и, гремя ключами, двинулся следом отдавать распоряжение, чтоб готовили черного вестника в стольный град, к боярину Василию.

Как только они ушли, в сенях опять установилась тишина. Из-за двери, где лежал умирающий, не доносилось ни звука. По полутемному коридору прошелестел легкий ветерок, и в отсвете солнечных лучей на полу обозначилась неясная тень. Она замерла, потом зашевелилась и приняла очертания человеческого тела.

Человек постоял, прислушиваясь, поворачивая из стороны в сторону голову, спрятанную под глубоким капюшоном. Тело незнакомца укрывала рубаха, подпоясанная веревкой, на ногах — легкие и удобные лапти, делающие шаги неслышными. Он напоминал скорее бесплотный дух, чем живого человека, и передвигался с такой легкостью, что, казалось, и не шел вовсе, а скользил по воздуху.

С такой же неуловимостью, едва приоткрыв дверь, он проник в опочивальню боярина Твердислава. Как раз в этот мо-

мент, как будто что-то толкнуло изнутри, боярин разлепил глаза, чуть повернул голову.

– Кто здесь? – прохрипел едва слышно.

Человек появился перед Твердиславом, словно тень, наклонился над ложем.

– Ты кто? Я тебя не знаю. – Твердислав мутным взором взгляделся в лицо незнакомца.

– Я пришел за тем, что твоему роду не принадлежит! – Человек положил руки на плечи боярину, чуть надавил. – Отдай, облегчи душу перед смертью.

– А-а... – Твердислав хотел засмеяться, но вместо этого грудь сдавил кашель. – Я ждал тебя... Все время ждал... Так знай. Ничего вы не получите. Ничего!!! От века в век то наше было, и останется за родом нашим. Я охранял тайну эту, а теперь сын мой будет ее хранить... Ему передал я все.

– Глупец, – в голосе незнакомца послышалась досада. – Он же тебя и отравил. Сынок твой единственный. Ты теперь лежишь здесь, помираешь, а он дожидаться не может, когда глаза твои навек закроются. Два года он травил тебя ядом тайным, потому и умираешь ты долго.

– Брешешь!!! – Твердислав вцепился крючечными пальцами в плечо незнакомца. – Не мог он сотворить этого!!! Ведь сын он мне!!! Сын!!!

– То мне ведомо точно, не лгу я. Да и грешно лгать в лицо умирающему. – Незнакомец опять заглянул в глаза боярину. – Облегчись, отдай золото. Лежа на смертном одре, со-

твори благое дело. Сам знаешь, не по праву твой род владеет этим кладом.

— А вы... — Твердислав задыхался. — Вы по праву?

— То не нам судить.

— Уйди... Тяжко мне! — Твердислав отвернул лицо. По щеке скатилась слеза.

Он закрыл глаза, дернулся и затих.

— Мертв, — пробормотал человек. Поднялся, осенил себя крестом. — Спаси и сохрани... Крепкий старик оказался, так и не раскрыл тайну. А что теперь посаднику докладывать? Ну, то не мое дело. Пусть сам решает, что делать далее.

Так же тихо и незаметно незнакомец покинул подворье боярина Колычева.

* * *

Взметая пыль, всадник проскакал через городские ворота и, распугивая редких зевак и прохожих, помчался по московским улицам. Пригнувшись к луке седла, молодой юноша в лихо заломленной шапке слился с конем в единое целое. На неожиданные препятствия внимания не обращал, а только досадливо морщился, когда из-под копыт коня, отчаянно хлопая крыльями, вылетала дворовая живность. Он спешил, и вести его были не самые радостные.

Вот и подворье. Юноша осадил коня, слетел с седла, забарабанил ручкой нагайки в ворота. Приоткрылась маленькое

окошечко, показалось недовольное лицо стража.

– Чего надоть? – спросил грозно.

– Открывай, к боярину я! Из Борисова. Да поспешай, некогда здесь стоять, с тобой препираться.

– Ух, какой! Молодой да шустрый! – Стражник прищурил глаза. – Ладно, погодь чуток.

Заскрипели ворота, пропуская вестника во двор. Он бросил поводья подбежавшему отроку, а сам степенно, стараясь унять рвущееся наружу нетерпение, прошел по деревянному настилу и взошел на крыльцо.

Его уже ждали. Двери раскрылись сразу, едва он прикоснулся к ним. Старый холоп, припадая на левую ногу, провел к боярину. Впустив вовнутрь, сам осторожно прикрыл дверь и остался снаружи. Но едва приметную щелку оставил. Будет потом о чем посудачить с дворней.

Василий сидел за столом и хмурился.

– Говори, с чем приехал, – спросил, весь внутренне напрягшись.

Юноша снял шапку, поклонился боярину до земли. Чуть помедлил, собираясь с духом. Василий поморщился, выказывая нетерпение.

– Худые вести я принес тебе, боярин. Батюшка твой, Твердислав Любомирович, отдал Богу душу. Долго болел, лихорадило его всего, а три дня назад преставился! – Вестник повернулся к образам, троекратно перекрестился.

Василий побелел как полотно, рука сжалась в кулак, но

совладать с собой смог. Встал, перекрестился. Вестник стоял у двери, перестав дышать и наблюдая, как боярин шепчет слова молитвы. Не поворачиваясь, Василий спросил:

– Перед смертью говорил ли чего отец мой?

– Тебя все звал, боярин. Говорил, что не закроет глаза, пока не увидит сына своего единственного.

Вестник не видел, как из глаз Василия показались две слезинки и скатились по щекам, затерявшись в бороде.

– Ступай! – велел Василий хриплым голосом.

Вестник неслышно удалился, оставив боярина наедине со своим горем. А тот упал на колени и зашептал раскаянно:

– Господи!!! Прости раба своего, если сможешь. Ибо нет мне прощения за то, что сотворил я с отцом своим. Горе мое велико, но еще более велико отчаяние от содеянного. Прости меня, Господи!!! Сотворил я тяжкий грех, но с этого момента всю жизнь буду его замаливать и не допущу, чтобы впредь меня обуяли гордость и алчность. Верь мне, Господи!!! Искренен я перед тобой и нет в словах моих лжи и порока.

Василий еще долго молился, вымаливая у Бога прощения. И в один миг показалось ему, будто глаза Спасителя повлажнели и стали из осуждающих – сочувствующими. Мнилось ему, что простил его Господь, и сразу стало легче на душе.

В молитвах и покаянии прошел день. Дворянка знала о постигшем боярина горе. И замерла, боясь шумом нарушить уединение хозяина. Один раз сунулся, было, к нему Стенька по какой-то надобности, но, увидев боярина на коленях –

тихо удалился. И другим строго наказал вести себя не шумливо. Ослушавшихся ждали батоги да розги. Но все и так это понимали. Старого Твердислава жалели, хотя и бывал боярин иногда больно крут. Жалели еще и оттого, что понимали – грядут перемены. В какую сторону они повернутся – в лучшую или худшую – одному Богу ведомо.

К вечеру боярин, похудевший, осунувшийся, вышел из хором.

– Стенька!

– Здесь я, боярин.

– Вели готовить лошадей. Рано поутру поскачем в Борисов. Ничего с собой не брать – налегке двинемся.

– Воинов много ли готовить?

– Два десятка, более без надобности. Тут тоже пригодятся вой оружные. Подворью без должного пригляда нельзя – вмиг растащат тати злобные.

– Все понял, боярин.

Василий еще раз окинул взглядом теперь уже его подворье. На душе немного потеплело от того, как с ним лебезили холопы. Раньше он просто был боярским сынком, а теперь – боярин. Хозяин!!!

– Вот еще что... – боярин задумался, потом велел Стеньке: – Ступай за мной.

Прошел в дом. Стенька, удивленный и подобострастный, засеменил следом. Остановились возле дверей. Василий коротко бросил:

– Жди! – и исчез за дверью.

Стенька замер в темноте, переминаясь с ноги на ногу. Сколь он не ломал голову, зачем боярин позвал его за собой – так ничего и не придумал. Не иначе, как для какого тайного поручения. Не раз и не два выполнял он подобное. Вспомнить хотя бы, как доставил к боярину Гришку Колыванова. Ловко он тогда все сотворил! И сейчас наверняка то же будет.

– Стенька! – послышалось из горницы, и холоп толкнул дверь.

– Передашь вот это, – боярин указал на небольшой ларец, стоявший посреди стола, – Боярину Вельскому. Да из рук в руки, а не через порученцев! Передашь тайно – чтоб ни одна живая душа о том не проведала. Я бы и сам то сделал, да дела неотложные ждут меня, оттого и поручаю тебе. Цени доверие боярское... Все понял ли?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.